

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Трозный призрак
Книга первая

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Первая книга трилогии Веры Крыжановской.

Крыжановская В.

К85 Грозный призрак / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 236 с. — (Жизни и судьбы).

ISBN 978-5-521-77629-0

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная женскими, историческими и оккультными произведениями.

Мистический роман «Грозный призрак» открывает знаменитую трилогию «В Царстве Тьмы». Богатые родители, желая устроить личную жизнь дочери Мэри, отправляют её погостить в замок к своей знакомой, где главная героиня открывает дверь в мир призраков, вампиров и колдунов — мир, полный загадок, тайн и опасностей...

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77629-0

© RUGRAM, 2022

© Т8 Издательские технологии, 2022

ГЛАВА I

— Садись, Нита, и подожди немножко. Через пять минут я закончу письмо и буду в твоём распоряжении, — сказал Михаил Михайлович Суровцев, указывая жене кресло около стола и снова принимаясь за писание.

Анна Петровна села, взяла со стола газету и стала рассеянно пробегать ее глазами.

Это была красивая женщина лет тридцати восьми, с темными большими бархатистыми глазами и густыми волосами. Тонкое изящество костюма и роскошь обстановки кабинета свидетельствовали о богатстве семьи. Михаил Михайлович раньше был помещиком, но затем, продав имения, он пустился в различные предприятия и теперь занимал видное положение в финансовом мире.

Запечатав письмо и надписав адрес, он закурил сигару, откинулся в кресло и сказал, улыбаясь:

— Теперь говори, Нита, на полчаса я вполне принадлежу тебе.

— Слава Богу! Обыкновенно потеряешь терпение, карауля минуту, чтобы говорить с тобою о делах семьи, — ответила Анна Петровна с не совсем довольным видом. — Я хочу посоветоваться насчет Мэри. Как тебе известно, ввиду моей поездки с кузиной Ольгой в Виши, мы решили отправить Мэри и Наташу с м-ль Эмили и няней к твоей сестре, в деревню. Но ведь поместье маленькое, в захолустье, соседи ничего не представляют собой, да и живут довольно далеко, значит — ясно, что Мэри будет там не особенно весело. Совершенно неожиданно я получила сегодня утром во многих отношениях приятное приглашение для нее, но не хочу ничего решать без твоего совета. Была у меня баронесса Козен, мы говорили с нею о планах относительно лета, и Анастасия Андреевна сказала, что уезжает в свой замок поблизости Ревеля. Узнав же, что мы отправляем Мэри в деревню, она просит отпустить к ней девочку на два месяца, уверяя, что та не соскучится, потому что у них множество соседей. Что ты думаешь об этом, Миша? Как я уже говорила, дело это имеет свою выгоду. Баронесса много принимает, а кроме того поблизости от нее будут жить двое молодых людей, которые, по-видимому, интересуются Мэри. Моряк Поль Норденскиольд гостит у бабушки, близкой соседки Козен. Это красивый юноша, со средствами и на хорошей дороге. Затем и Эрик Раутенфельд проводит лето в своем имении около Ревеля. Это тоже хорошая партия: он дипломат, богат и с хорошими связями. Мэри восемнадцать лет и пора пристроить девочку, а у баронессы оба эти претендента встретят ее. Может быть, что-нибудь и выйдет?

Суровцев задумчиво покачал головой.

— Ты права, Нита! Соображения твои очень заманчивы, и я не имел бы решительно ничего против них, если бы не Вадим Викторович... Двусмысленная или, вернее, не двусмысленная роль его в доме баронессы коробит меня, и я не знаю, право, удобно ли сближать Мэри с таким семейством.

Анна Петровна на минуту задумалась.

— Конечно, с одной стороны, ты совершенно прав, Миша. Роль Вадима Викторовича относительно баронессы — «секрет полишинеля», но наружно приличия вполне соблюдены, а я считаю Мэри слишком чистой натурой, чтобы подозревать истину. Вспомни только, что Вадим Викторович — друг барона, притом, он врач, а благодаря этому вдвойне охраняет вверенную ему семью. Доктор временно состоит опекуном детей, и этим вполне объясняются его слишком частые и продолжительные посещения.

— Все это прекрасно с внешней стороны, но, между нами говоря, глупо было со стороны барона отправиться путешествовать по Индии. Уже более двух лет он отсутствует, обрекая жену на вдовство, а баронесса еще во цвете лет: ей с небольшим тридцать пять и близость такого красивого и умного человека, как доктор Заторский, представляет большую опасность.

— Полно! После пятнадцатилетнего супружества, имея дочь тринадцати лет и сына одиннадцати лет, можно вполне успокоиться и, не ставя мужу рогов, позволить ему осуществить мечту всей его жизни: посетить Индию, эту страну чудес, — насмешливо возразила Анна Петровна. — Впрочем, барон предлагал жене сопутствовать ему, но та отказалась, предпочитая, вероятно, общество Вадима Викторовича. О,

прелестный доктор очень мил, так добросовестно исполняя возложенную на него другую обязанность! Ха! Ха! Ха!

— Помимо этого для меня загадка: каким образом Заторский, во всяком случае умный и замечательно умный человек, мог заинтересоваться таким ничтожеством, как баронесса. Он мог найти что-нибудь получше.

— Несомненно, но мы отделились от предмета: как ты решишь насчет Мэри? Я обещала баронессе дать ответ сегодня вечером, посоветовавшись с тобой. Можно ли, не обижая твоей сестры, изменить наши намерения?

Суровцев подумал с минуту.

— Отпусти Мэри. Надеюсь, что в присутствии молодой девушки у Анастасии Андреевны хватит ума не выставять напоказ свои отношения к доктору. Ты права, говоря, что надо пользоваться случаем пристроить девочку, а у Вали она действительно скучала бы смертельно. Однако мне пора, меня ждут в совете бельгийского общества, я едва успею доехать.

Спешно поцеловав жену и взяв портфель, он вышел. Анна Петровна тоже ушла из кабинета и по коридору направилась в помещение дочери, состоявшее из двух комнат: розового будуара, наполненного редкими цветами и драгоценными безделушками, и спальни. Тут стены были обтянуты белым, мебель крыта белым шелком, а постель и туалет отделаны кружевами. Перед большим зеркалом стояла сама хозяйка и оглядывала себя, пока горничная заканчивала ее туалет.

Мэри Суровцева отличалась редкой красотой. Это была стройная, грациозная, как мотылек, девушка с цветом лица матовой белизны, которую еще ярче оттеняли сине-чер-

ные волосы. Она унаследовала от матери бархатистые глаза, но у нее они были еще больше и с иным выражением. Взгляд Анны Петровны был ясный, веселый и спокойный, а в темных глазах Мэри светились гордость, энергия и пылкая душа, в глубине которой должны были таиться страсти, если жизненным испытаниям суждено будет пробудить их. Пока, впрочем, это был наивный ребенок, поглощенный в эту минуту единственно своим нарядом и с удовольствием любовавшийся своим пленительным образом. На мгновение мать с любовью и гордостью взглянула на нее, а потом спросила:

— Еще не уехала, дитя мое? А ты разве не опоздаешь на шоколад к своей подруге?

— Нет, мама, у меня еще минут двадцать времени, да и м-ль Эмили еще не готова. Петя придет сказать, когда автомобиль будет подан. Но ты хочешь что-нибудь передать мне? Я вижу по твоим глазам, мамочка. В таком случае садись на диван, а я тебя слушаю.

Она придвинула табурет и села, бережно расправляя складки платья так, чтобы видеть себя в зеркале. Мэри знавала свою красоту и была непрочь всегда полюбоваться собою. Слабая и слишком снисходительная мать с улыбкой следила за ее уловками.

— Я хочу сообщить свежую новость, которая, надеюсь, доставит тебе удовольствие. Баронесса Козен предлагает тебе провести два месяца в ее замке около Ревеля, а так как у милой тети Вали порядочно скучно, то папа разрешил мне за тебя принять это приглашение.

Глаза у молодой девушки радостно вспыхнули.

— О! Как вы добры оба, папа и ты! Благодарю, благодарю! Я очень люблю тетю Валю, но, конечно, мне будет гораздо веселее у доброй, очаровательной баронессы.

— Несомненно, замок ее, как говорят, один из самых любопытных, даже как исторический памятник, и, кроме того, она много принимает. Ты даже встретишь там знакомых: Эрика Раутенфельда и молодого Норденскиольда, родственника барона. Оба они ухаживают за тобою, и это совсем не испортит дела: мне казалось даже, что Павел Федорович тебе нравится.

Заметив, что Мэри покраснела, она радушно прибавила:

— Ты знаешь, дорогая, что мы с папой представляем тебе полную свободу выбора, а оба жениха люди вполне порядочные и представляют прекрасную партию. Но повторяю — ты сама должна решить свою судьбу.

— Милая мамочка, Эрик Оскарович не нравится мне: он напыщенный, сухой и холодный, а взгляд у него пронизывающий. Нет, нет, он не герой моего романа, я предпочитаю скорее Норденскиольда. Хотя мне кажется, что к тому, за кого выходить, должна питать иное чувство. Как знать, дорогая мама? Может быть человек, которому суждено покорить мое сердце, не выступал на моем жизненном пути, — заключила она, смеясь. Шумное появление мальчика лет тринадцати-четырнадцати, в форме кадета, прервало разговор. Это был брат Мэри, ехавший с ней на рождение их общей подруги детства. Петя объявил, что автомобиль у подъезда, а м-ль Эмили готова и ожидает их в прихожей.

— До свидания, дорогие мои. Веселитесь хорошенько, — сказала Анна Петровна, когда молодежь поспешно уходила, унося подарки: футляр с кольцом и коробку конфет.

В большом собственном доме на Сергиевской баронесса Козен занимала целый этаж, и вечером того же дня хозяйка сидела в будуаре, небрежно проглядывая французский роман.

Комната была большая и обтянута изумрудно-зеленым шелком с атласной того же цвета мебелью. В углублении, образовывавшем фонарь и выходившем на улицу, стояли на возвышении два кресла и стол, а на нем красовались в хрустальной вазе фиалки и нарциссы, наполняя комнату чудным ароматом. Стены украшали дорогие картины, а редкие растения в больших японских вазах оживляли роскошную комнату, ярко освещенную электрическими лампами.

Хозяйка этого прелестного уголка была женщиной средних лет, высокая и худая, но ширококостная, что придавало ее фигуре нечто увесистое и массивное. Лицо у нее было приветливое, свежее и очень белое, а большие темные глаза можно было счесть даже красивыми, не страдая они отсутствием выразительности, как и все лицо, в котором не проглядывало ни ума, ни доброты, а оживлялось оно только в минуты гнева. Тем не менее, в общем, это была хорошенькая женщина, а пышные, ярко рыжие волосы, составлявшие редкий контраст с темными глазами, придавали ей что-то своеобразное, пикантное. Она была нарядно одета и на руках, державших книгу, сверкали бриллианты, но короткие, толстые пальцы были грубы, как и большая, выглядывавшая из-под платья, плоская нога, которая, несмотря на шелковый чулок и изящную туфлю из золотистой кожи, лишена была и тени чего-либо породистого.

Впрочем, Анастасия Андреевна была действительно довольно темного происхождения. Отец ее, мелкий чиновник

какого-то министерства, обремененный многочисленной семьей и с очень ограниченными средствами, прозябал чуть ли не в нищете. Таким образом, из детей старшая, Настя, выросла почти в бедности, приучена была к строжайшей бережливости и поставлена в необходимость помогать матери как в хозяйстве, так и в уходе за остальными детьми. По достижении восемнадцати лет она научилась писать на машинке и уже своим трудом содержала себя. Лет в двадцать, благодаря счастливой случайности, она нашла работу у барона Козена, археолога-любителя, очень богатого человека, бывшего тогда лет тридцати шести. Как случилось, что Насте удалось возбудить страсть в бароне, перестукивая на машинке его ученые писания, осталось тайной. Но, в результате, Козен женился на ней, а она, даже через пятнадцать лет замужества, еще не утратила влияния на него. Поистине было изумительно, как мог умный, даже ученый человек увлечься ограниченной, пошлой женщиной. Хотя немало примеров, что для возбуждения чувственности мужчины особенного ума от женщины вовсе не требуется...

Добившись, наконец, независимости и богатства, которого жаждала, Настя быстро преобразилась: забыв нищету детства и юности, забыв время, когда не на что было купить шляпу и приходилось закладывать в ломбарде тряпье, она стала швырять деньгами и покупала без разбора все, что попадалось на глаза. Особенно не жалела она ничего на туалеты, а так как в своем узком умишке она воображала, что все дорогое должно быть непременно хорошо, то и наряды ее, несмотря на их изумительные цены, зачастую оставляли желать многого со стороны вкуса и изящества. В одном, впрочем, осталась у нее скаредность прошлой бедности:

